

Р. С. Липец

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ БЫЛИН

(ГОРОД В РУССКОМ ЭПОСЕ)¹

Русский эпос, как и эпосы других народов, типологически сходные с ним, обычно связан с городами — укрепленными пунктами и центрами княжеств (понимая последний термин широко).

В большинстве русских былин место действия, многие ситуации, характер общественных отношений, отдельные мотивы и целые сюжеты урбанистичны. Это не случайно. Ведь и сам эпос складывается в своем классическом, развитом виде в период становления раннеклассового общества. Замена древних родо-племенных связей территориальными идет в этот период наиболее интенсивно, и кульминацией этого процесса становится возникновение городов, где сливается пришлое население, вырабатывается смешанный говор, сплавляется сложная культура из местных этнических элементов и отдельных черт культуры народов других государств, с которыми налаживаются уже довольно тесные и, главное, постоянные связи.

Город — один из основных признаков образования государственности. М. Н. Тихомиров, заслуга которого в изучении городской, урбанистической культуры Древней Руси особенно велика, писал: «...Наличие государства само по себе говорит уже о зарождении городов как укрепленных административных пунктов», качественно отличных «от городка родо-племенного времени», и именно поэтому в Киевской Руси развитие городской жизни падает на «переломное время» — IX—X столетия. Высокая культура Киевской Руси, утверждал он, не может быть понята без учета ее городского характера, общественные отношения — без учета «городского строя»², более глубоко и повсеместно развитого на Руси, чем это представляется обычно. При характеристике жизни и бытовой обстановки в городах Киевской Руси М. Н. Тихомиров последовательно опирается и на русские былины.

Не следует только представлять себе древнерусский город каким-то искусственным образованием, чуждым народной жизни. Едва ли нужно доказывать теперь, что культура Киевской Руси генетически связана с культурой автохтонного населения страны, что именно богатства Руси привлекали в ее города иноземцев.

¹ В тексте статьи ссылки на сборники былин даны в следующем условном сокращении: Аст. — «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков». Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль, М. — Л., 1960; БПК — «Былины Пудожского края», Петрозаводск, 1941; Г. — «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I—III, М. — Л., 1938—1951; Гул. — «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева», Новосибирск, 1952; КД — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М. — Л., 1958; Р. — «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. 1, М., 1909; т. 2, М., 1910; Т. — М. — «Русские былины старой и новой записи». Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера, М., 1894; Шуб — Т. А. Шуб, Былины русских старожилов низовьев реки Индыгирки, «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М. — Л., 1956. Римские цифры в скобках означают том, арабские — страницу.

² М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1956, стр. 11, 28, 437 и др.

Большинство советских исследователей признает, что Русь былин — это Русь домонгольская, притом периода «империи Рюриковичей», а не более позднего периода феодальной раздробленности, яркое доказательство чего — объединение приезжих богатырей вокруг эпического Владимира Святославича в «стольном» городе Киеве и бытовая обстановка былин. Без учета же конкретной исторической обстановки в былинах становится легко произвольно перебрасывать их то па тысячелетия назад, то в XVII век.

Русский героический эпос создавался, конечно, на основе тысячелетий развития устного народного творчества, черпая оттуда и сюжеты в их общей схеме, и художественные образы, и приемы, но как жанр он мог сложиться только к концу I тысячелетия н. э. Основная методологическая опасность при изучении былин заключается как раз в подмене анализа их как жанра анализом архаических прасюжетов, использованных и модернизированных эпосом, и традиционных элементов поэтики, которые существуют в нем наряду со многими другими компонентами (в том числе и с древнерусскими литературными источниками).

Древняя Русь — «страна городов», Гардарика скандинавских саг. Число этих городов бурно увеличивалось; в письменных источниках в IX—X вв. их упоминается свыше двух десятков, а в XI в. — уже около сотни, в конце XII в. — свыше двухсот, в начале XIII в. их около трехсот³. А между тем былины — высшее творческое достижение Древней Руси в области фольклора — ученые XIX — начала XX в. нередко связывали, вопреки содержанию и оформлению русского эпоса, с «глухими» деревнями. Городское происхождение былин ни в коей мере ведь не снимает того, что выражали они общенародные идеалы и интересы, что их эстетическая основа покоится на глубоких народных традициях.

* * *

При современном уровне исторических знаний о Древней Руси, и особенно благодаря подъему археологии, невозможно, изучая былины, игнорировать ее богатую городскую культуру. Взгляд на былины многих ученых XIX — начала XX в. как на почти исключительно крестьянское творчество базировался на устаревших в наши дни представлениях о целиком аграрном (и даже по преимуществу присваивающем) хозяйстве Киевской Руси и о низком уровне ее культуры. Немалую роль в формировании этого взгляда сыграли славянофильские, а затем и народнические традиции, оказавшиеся чрезвычайно цепкими в фольклористике.

Однако в дореволюционной русской фольклористике, несмотря на последовательную архаизацию былин большинством ученых, настойчиво повторялась мысль о городском, урбанистическом характере жанра былин.

До недавнего времени яркие слова В. Ф. Миллера о городской природе русских былин приводились лишь как один из пунктов обличения его якобы целиком ошибочных взглядов: «Слагались песни ...там, где был спрос на них, там, где пульс жизни бился сильнее... в богатых городах, где жизнь шла привольнее и веселее», поэтому «песенными центрами» были Киев, Новгород, а также, вероятно, Чернигов и Переяславль⁴.

Между тем здравый смысл заставлял многих исследователей самых различных направлений видеть городскую специфику эпоса. О создании

³ См. М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 12, 36, 39, 42.

⁴ В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924, стр. 28.

былин в городах и о городской стихии в русском эпосе писали Н. Д. Квашнин-Самарин⁵, А. А. Котляревский⁶, А. Н. Веселовский⁷.

Четче всех высказал эту мысль И. Е. Забелин: «Нам кажется, что древняя былина вообще есть истинный свидетель и достоверная летопись о том именно времени, когда доисторическая русская жизнь, сложившись в независимое друг от друга городство, проходила этот своеобразный путь развития... По всему видимо, что былины воспевают именно быт нашего доисторического городства, быт первородного русского города, который сам олицетворен в образе стольного и ласкового князя Владимира»⁸.

В советское время городская специфика былины была наиболее ярко выявлена в трудах Б. А. Рыбакова и М. Н. Тихомирова.

М. Н. Тихомиров показывает, как в былинах утверждается объединительная роль Киева в создании русской «империи Рюриковичей», громадное культурное значение Новгорода, древняя политическая самостоятельность Чернигова, изощренность культуры Галича, былая слава Суздаля и других городов; как отражены в былинах борьба за «городские вольности», размах заморской торговли, особенности материальной культуры. Говоря об архитектурном искусстве при Владимире I и о восхищении современников «богатством и убранством» этих «красных» (красивых, прекрасных) построек, М. Н. Тихомиров отмечает, что именно тогда, когда создавалась в конце X—начале XI в. русская государственность, «произошли какие-то крупные сдвиги в развитии Киева, расширилась его территория, увеличилось население, появились каменные постройки, группировавшиеся вокруг Десятинной церкви, предположительно — дворцовые строения», в которых археологи видят остатки гридниц. «Недаром в былинах так часто встречаем, пишет М. Н. Тихомиров, — упоминание о светлой гриднице, где расхаживает князь Владимир Красное Солнышко со своими могучими богатырями»⁹.

Б. А. Рыбаков не только посвятил былинам, изучаемым им в историческом аспекте, значительную часть своего фундаментального труда «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», но обратился к ним и в ряде других крупных исследований — «Древности Чернигова», «Ремесло Древней Руси» и пр. Исследователь находит в былинах множество аналогий ситуациям, явлениям, бытовой обстановке жизни Древней Руси. Произвольность отнесения еще в начале нашего века былин к различным периодам русской истории он объясняет тем, что при состоянии

⁵ См. Н. Д. Квашнин-Самарин, Русские былины в историко-географическом отношении, «Беседа», М., 1871, кн. 4, стр. 80.

⁶ А. А. Котляревский, Сказания о русских богатырях, Соч., СПб., 1889, т. I, стр. 103.

⁷ А. Н. Веселовский, возражая М. Г. Халанскому, который прикреплял былинну с Дюке по бытовой обстановке, отраженной в ней, к московскому периоду русской истории, писал: «У нас есть сведения о великолепии Десятинной церкви в Киеве, о Киеве как одном из главных украшений «Греции» (Адам Бременский) с 400-ми церквями и 8-ю рынками (Титмар Мерзебургский), городе богатом, производившем именно такое впечатление на внука Чингисхана, посланного для его осмотра ханом Угедеем в 1239 году». В стиле «Дюковых убранства и построек, — писал он далее, — отразилась пора его жизненности на юге (т. е. в Киевской Руси. — Р. Л.), а не переживание его в XVI веке». (См.: А. Н. Веселовский, Русский эпос и новые его исследователи, «Вестник Европы», 1888, т. IV, кн. 7-я, стр. 158). Следует, конечно, оговорить, что сообщения средневековых хронистов содержат гиперболизацию, но показательно, что хронисты примерно так же описывали прославленные города прибалтийских славян и, значит, считали Киев стоящим с ними на одном уровне. Ходячее представление о большом культурном разрыве между прибалтийскими и восточными славянами опровергается, таким образом, первоисточниками.

⁸ И. Е. Забелин, История русской жизни с древнейших времен, ч. I, М., 1876, стр. 576.

⁹ М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 259, 289.

археологии в дореволюционной России, несмотря на большие достижения этой науки в отдельных отраслях, даже наиболее эрудированные исследователи фольклора не имели достаточного материала для сопоставлений; особенно же слабо изученной оставалась археология русских городов домонгольского периода, а в связи с этим и их роль в развитии древнерусской культуры.

Полемизируя с С. К. Шамбинаго, видевшим в былинах отражение только культуры Московской Руси XVI—XVII вв., Б. А. Рыбаков пишет: «Те соответствия былинных описаний реальной московской архитектуры XVI—XVII вв., которые установил в свое время С. К. Шамбинаго, на самом деле свидетельствуют лишь о том, что тогда, шестдесят лет тому назад, историки еще очень плохо представляли себе архитектуру XI—XII вв. Мы теперь знаем, что в Киевской Руси были каменные и деревянные дворцы, гридницы, златоверхие терема, великолепные резные колонны, высокие неприступные башни и изукрашенные белокаменным узорочьем храмы. Мы знаем и роскошные одежды..., изобильно оснащенные золотом, финифтью и скатым жемчугом. Ни одна из бытовых деталей... не выходит за хронологические пределы Киевской Руси»¹⁰.

* * *

Основное ядро былин содержит воинские сюжеты, и соответственно действие в них происходит в значительной части на заставах — в пограничных со степью укреплениях и в «чистом поле», но возвращаются богатыри в Киев, а нередко и выезжают оттуда на свои подвиги.

Во многих же киевских былинах (о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, о Хотене, о Соловье Будимировиче и др.) и в новгородских былинах (о Василии Буслаевиче, Садко, госте Терентьище) действие протекает только в городе. Новгородские былины слагались на другом конце пути «из варяг в греки», но также в крупнейшем древнерусском городе, куда киевские князья имели обыкновение посылать на княжение своих сыновей, позднее нередко оказывавшихся на «златом столе» в самом Киеве.

Центры городской жизни Древней Руси — Киев и Новгород прославляются и воспеваются в былинах. Красота Киева, роскошь его убранства и высокая культура привлекают приезжих. О нем «идет слава великая» «по всем землям» (Р., 2, 208) и даже «в далеке-далече чистом поле» (Р., 2, 318):

А приехал посмотреть вашего города.
Скажут, ваш город на красы стоит, на угожестве,
Скажут, солнышко Владимир князь богато живет.
(Р., 2, 195)

Мать Дюка, стремящегося поехать в Киев, хотя бы и без ее благословения, предупреждает его об опасностях, подстерегающих приезжего в большом городе, движение в котором и неисчислимый людской поток даны через образ текучей воды в полноводной реке:

Ведь много во Волхови воды течёт,
А много во Киеве людей живёт.
(БПК, 401)

Огромные размеры города с его сложной планировкой, может быть, отразились в метании матери Софьи, в поисках зелья для дочери и ее возлюбленного: «Закидалась, забросалась по Кий городам» (БПК, 455).

На первый план при описании городов в былинах выступает «стена городовая», делающая его «крепким» для врагов, с «наугольными»

¹⁰ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, М., 1963, стр. 125—126.

башнями, с запертыми и охраняемыми стражей воротами. Древнерусский город в эпосе — прежде всего крепость, и за его стенами — и княжий двор, и святыни, и дружина князя. Там сосредоточена и вся дипломатическая жизнь.

Ставер «похваляется» на пиру у Владимира в первую очередь не роскошью своего феодального двора «на семи верстах», а тем, что тот «крепче города Киева», и говорит:

Что это за крепость по Киеве
У великова князя Владимира?
У меня-де, Ставра-боярина,
Широкой двор не хуже города Киева.
(КД, 90)

В другом варианте:

А что это за ограда во Киеве
У ласкового князя у Владимира?
(Т.— М., 197—198)

Эта опасная похвальба, возможно, отчасти и приводила в развитии сюжета к заточению Ставра, соединившись далее с общефольклорным мотивом о мудрой жене, выручающей мужа.

Ворота «городовых» стен — символ их неприступности — играют в эпосе заметную роль:

Ворота у города железны,
Крючки-засовы все медные.
(КД, 43)

В одном варианте упомянуты даже знаменитые Золотые ворота Киева (Р., 1, 433).

Богатырям обычно удается проникнуть в Киев или преодолев сопротивление стражи — «приворотников» и «придверников», или перескочив на своем чудесном коне через стену. Так же поступают и дерзкие послы враждебных государств. В своеобразном пудожском варианте былины о Ставре, записанном от 90-летнего сказителя Родина, мнимый посол — жена Ставра — как бы берет приступом горд:

Подъезжает она ко Киеву —
Ворота все призаперты.
Она сошла со добра коня
И ударила кулаком богатырским
И заехала она во Киев-град
Ко солнышку князю Владимиру;
Вошла она во гредни столовые.
(БПК, 413)

Недаром древнерусское речение «отворити ворота» было синонимом сдачи города.

Большое место уделено в былинах торгу — центру посада в древнерусских городах. Особенно это сказалось в былине о Садко: с торгом связана формула, в которой Садко выразил свое бессилие перед мощью новгородских купеческих корпораций, товары которых ему так и не удалось купить на торгу:

А й как лучше пусть не я да богатею,
...А й как пусть побогатеет меня славный Новгород.
(Г., 1, 648)

По былинам, на торгу можно совершать самые различные сделки: продать в рабство беспутного сына замсрским купцам (былина об Иване Гостином сыне) и купить «сердечный гвоздь» (Р., 2, 67) для казни Потяка; наполнить драгоценным грузом — начиная с бочек жемчуга — трюмы судов и в «темном ряду» купить глиняные горшки (КД, 189), а

в «червленом ряду» запастись свинчатой палицей, как это сделали скорохи (былина о госте Терентьище, КД, 19).

Наиболее полно отражена в эпосе заморская торговля Руси. В былинах о Соловье Будимировиче, Глебе Володьевиче, Садко-богатом госте показано оживление на речных и морских пристанях, где теснятся суда, украшенные резьбой и росписью, со сложной снастью и бело-снежными парусами. Описаны морские караваны в открытом море, гостиные дворы, полные товаров и золотой казны.

«Гости», т. е. купцы, ведшие торговлю с иноземными странами, а частично — иноземцы, приходившие на Русь из этих стран, — постоянные участники княжеских пиров в былинах. Вспомним, что Владимир Мономах в своем «Поучении» особенно настаивал на необходимости ласкового обращения с этими «гостями», разносящими по всем землям добрую или худую славу о князе (и пополняющими, конечно, его сокровищницу). Былины пестрят названиями иноземных стран и городов: «земли Лабской» (прибалтийского Поморья с рекой Лабой?), Леденца (Венеции?), Царя-града, Ерусалима и др., а также морей — Хвалынского (Каспийского), Вирянского (Балтийского) и др. «Гости» были одной из самых подвижных частей населения Руси и невольно служили проводниками на Русь культуры Востока и Запада (как и культуры Руси в чужих странах). Знакомство с этой иноземной культурой явственно и многообразно выступает в эпосе; не случайно и узоры на заморской ткани — камке, и «тѣнцы» — мелодии гуслиаров-виртуозов, по былинам, связаны с далекими странами и городами, а на ювелирных изделиях в былинах — излюбленный восточный орнамент: львы, чудовищные звери и т. п.

«Посадские мужики», «посадские люди» — в числе эпизодических, безымянных, но зачастую упоминаемых лиц в былинах (см.: КД, 60, 187). Действуют они организованно и нередко настроены оппозиционно к социальным верхам. Так, они противостоят Василию Буслаевичу; для них должен также «доспеть» обед Садко, чтобы быть принятым в Новгороде.

Вообще, надо полагать, что былины слагались и бытовали в прогрессивных и довольно широких слоях населения, горожан в первую очередь. Это сказывается в насмешках над феодальной знатью — «князьями-боярами» и борьбе с ними любимцев эпоса — богатырей, в двойственном, критическом отношении к князю Владимиру его дружинников и пр. Отражено в былинах и возмущение народных масс ростовщицеством, приводившее к ряду восстаний в XI—XII вв. Так, Ставер хвалится тем, что у него «золота казна не держитца», так как он дает деньги в рост (Аст., 229). Чесова вдова в былине о Хотене, закабалившая множество должников, терпит полное поражение от Хотена, сватовством которого к дочери она оскорблена, так как он «роду нищегого, кошельчата» (Р., 2, 15). Хотен заставляет затем Чесову вдову вернуть кабальные записи ее «подневольным» людям, высланным было против него:

Неси, вдова, записи закладные,
По которым золота казна роздѣвана!
(Г, III, 449—450)

Явно звучит сочувствие городским низам в знаменитых эпизодах былин, где Илья Муромец выступает предводителем «голей». Б. А. Рыбаков в своих работах связывает эти эпизоды с киевским восстанием 1068 г.¹¹ Справедливо полагать, что классовая борьба была весьма

¹¹ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 93, 351 и др.

остра и в домонгольской Руси и незачем относить эти эпические сцены к XVII в. Конечно, некоторые наслоения на древние былины могли иметь место; позднее свое прозвище «старого казака» в отдельных текстах Илья Муромец получил именно тогда.

Герои ряда других былин — Дунай, Иван Годинович, даже молодой Добрыня — слуги, зависимые люди. Некоторые богатыри — потенциальные холопы, так как они закладывают свою «голову» (обычно, свободу, а не жизнь, как это иногда трактуется) при всяких спорах и состязаниях. Не случайно брак с таким женихом отпугивает невесту и возмущает ее привилегированную родню: «За Иваном быть — холопкой слыть» (КД, 103), — говорят невесте Ивана Годиновича. Король, решивший было простить разгневавшего его Дуная, бывшего ему некогда верным слугой, все же заточает его узнав о предполагаемом браке с Дунаем своей дочери.

Между тем все эти герои — дружинники, близкие к князю; но дружина тогда была уже сильно дифференцирована в социальном отношении. В ряды защитников Новгорода, Киева, Чернигова и других городов, как и «застав» — укрепленных пограничных черт, вливались все новые и новые массы переселенцев и беглецов со всей Руси, в том числе и смердов.

Конечно, симпатии и интересы именно «молодшей дружины», в мирное время несшей и хозяйственные обязанности, отражены в какой-то мере в эпосе, как это неоднократно отмечалось исследователями, в особенности подробно А. В. Марковым; в наши дни эта мысль глубоко аргументирована на основе археологических и исторических изысканий Б. А. Рыбаковым в его работах¹².

* * *

Наиболее ярко, может быть, сказался городской строй в эпосе при описании общественных пиров: у князя Владимира (включая сюда отчасти и известное описание «пиров Владимировых» в «Повести временных лет» под 996 годом, в основе которого, видимо, лежит также эпическое предание) и пиров городских братчин в былинах о Садко и Василье Буслаевиче.

Корпоративный характер пиров городских братчин в новгородских былинах ясен (запрет приходить незванным, «ссыпь» — доля складчины для пира или, возможно, взнос за право состоять в этой корпорации, новгородские «настоятели» — распорядители на пиру). Пирьы Владимира в исторической действительности, как можно судить по летописи, отражали сложные взаимоотношения князя с городской общиной. Кроме его ближних советников и дружины, непосредственно в гряднице пировали и совещались с ним и представители городского самоуправления — «старцы градские», «сотские» и «десятские», а для остального населения Киева отводился двор, где раздавались угощение и деньги, так как расположением рядовых киевлян князь тоже должен был дорожить.

При относительной слабости государственной власти на Руси в X—XI вв. князь не случайно стремился опереться на древние общинные институты, но в Киеве он имел дело уже с городской общиной. Его пиры имитировали всенародное празднество, тогда как значительная социальная дифференциация не давала уже возможности организовывать эти пиры по-прежнему¹³.

¹² А. В. Марков, Бытовые черты русских былин, М., 1904, стр. 46—55; Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 57, 58, 72 и др.

¹³ Такое же сужение состава пирующих проследил для Эллады Ю. А. Андреев в статье «Мужские союзы в поэмах Гомера», доказывая, что форма всенародных

Тонко выявил своеобразный характер становления городской жизни Л. Нидерле, несмотря на известные преувеличения. Проследив различные пути и причины образования городских поселений, он старается показать, что территориальные, «политико-экономические городские области» были еще в то время на Руси в известной мере и «племенными объединениями» с еще реальными компонентами родо-племенного строя. «Я не думаю,— писал он,— что уже в X веке идея рода и кровного союза „замутилась“ так сильно»¹⁴.

По сравнению с летописными пирами Владимира с их противоречивостью, в эпосе пиры упрощены. Сказители, сохранив в большинстве текстов былин близкий к летописи состав гостей — богатырей и «князей-бояр», из городского населения вводят довольно часто «гостей торговых», реже — «мужиков посадских», а также крестьян под различными наименованиями, т. е. пир действительно становится всесловным, причем все пируют в самой гриднице. Особенно разнообразен состав гостей у сказителей, склонных к импровизации, — у них появляются бурлаки, корабельщики, рыболовы и даже «сироты» — нищие, не говоря уже о вовсе случайных персонажах.

На пирах Владимира новое их содержание маскировалось в обветшалое одеяние прошлого и было данью еще сильным общинным традициям, почему князь и «пиры устави» по старому обычаю. Летописцы-монахи давали коллективистическим пережиткам на пирах объяснение в духе христианской морали: якобы на князя — недавнего язычника — благотворно повлияло чтение церковных книг о пользе «милостыни» для спасения души. Народный же эпос XIX—XX вв., сохранив в преобладающей массе вариантов ограниченный состав участников пира, в остальных создает утопическую картину подлинно всенародного пира, что удовлетворяло и у сказителей, и у их аудитории жажду социальной справедливости и равенства, будто бы возможных при сохранении господствующих классов. В их изложении пир Владимира Святославича стал сказочным пиром «на весь мир».

Исследователи эпоса XIX — начала XX в., желая показать русскую старину в идеализированном виде, а древнерусского князя — всесловным князем, упорно повторяли версию об «открытых настежь дверях» гридницы (О. Ф. Миллер), «неограниченном гостеприимстве» Владимира (Н. И. Костомаров) и т. п. Ученые, стоявшие на более реальных исторических позициях (Л. Н. Майков, А. В. Марков, В. Ф. Миллер и др.), не могли не заметить, что социальный состав пирующих в канонических былинах, как и в летописях, должен был быть довольно резко ограничен. Последняя точка зрения поддерживается и большинством советских исследователей.

* * *

Один из признаков сложения былин как жанра в городской среде — почти всеобщая грамотность их героев, широкое применение ими письменности. В русском эпосе идет оживленный обмен «грамотами скорописчатыми» — посольскими грамотами и частными письмами; «руку прикладывают» к письменным договорам: дипломатическим, по пово-

пиров представляла в то время уже архаизм (ВДИ, 1964, № 4, стр. 41). Отметим, кстати, что О. Ф. Миллер, архаизируя общественные отношения в Киеве, забывал о городских общинах с их «братчинами» и утверждал, что «князь, в складчину (? — Р. Л.) угощающий в стольном Киеве... это князь того *былевого* строя, в котором и Киев-град являлся только большим прекрасным селом» («Илья Муромец и богатырство киевское»), СПб., 1869, стр. 565—566). «Селом» назван Киев у одного олонечского сказителя (Р., 2, 91, 104). Продолжая эту мысль, пришлось бы признать, что селом в эпосе был и Новгород с его «братчинами»!

¹⁴ Л. Нидерле, *Славянские древности*, М., 1956, стр. 154, 164.

ду пари — «закладов» на состязаниях, копят и уничтожают кабальные «записи». «Поруки держат», т. е. выступают в качестве поручителей при заключении договоров третьи лица и в случае невыгодности договора одной из сторон его не так-то легко аннулировать:

Прóсты поруки крепкия,
Записи все изодранья!

объявляет князь Владимир, но поручитель захватывает заложенные ко рабли на Непре-реке и прибавляет: «А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут» (КД, 51—52).

В былинах упоминаются школы, куда с семилетнего возраста отда- ют учиться будущего героя («грамота ему в наук пошла», КД, 59), зна- ние «четгя-петгя церковного» требуется даже от невесты князя, т. е. грамотны и женщины. Богатырь, заключенный в «погреб» — темницу (Илья Муромец, в отдельных вариантах — Дунай), где он проводит иногда долгие годы, забытый князем, читает при свече книгу.

В былинах есть и многочисленные надписи на предметах, так хоро- шо известные по археологическим находкам эпохи домонгольской Руси. В былинах это надписи на дорожных камнях, на шатрах, стрелах, ча- шах, как и на знаменитой чаше XII в. черниговского князя Владимира Давыдовича. Надпись на чаре входит в сюжет былины о ссоре двух богатырей — Добрыни и Дуная, так как на этой чаре, «котора она сто- ила во петьсот рублей», вместо обычных в Древней Руси благопожела- ний на сосудах, содержится грозный запрет пить из нее (нарушенный возмущенным Добрыней):

А на цярóчки страстемн потписано,
Со великима угрозами подрезано.
(Гр., III, 104—105).

При этом любой богатырь, который «наехал» в поле на такие «подрези» на камне или шатре, свободно читает их. Алеша Попович в одном ва- рианте читает сам надпись на камне, слезая для этого с коня (Гул., 102), а в другом — поручает ее чтение своему «паробку» Екиму Ивановичу — «в грамоте поученому человеку» (КД, 126).

* * *

Не рассматривая детально отражение отдельных областей матери- альной и духовной культуры Древней Руси в былинах, напомним лишь, что жилища в них — гридница, палаты (часто «белокаменные»), терема, сени — отличаются сложной развитой архитектурой и большими разме- рами, разнообразным и богатым декором, что характерно для города.

Сказочная роскошь индийского города передана в образе сияющих золотых кровель, зарево от которых над городом прибывшие иноземцы принимают за пожар. Но и сам Киев в былинах украшен такими же «златоверхими» зданиями.

Полы в этих зданиях — металлические («пол-середа одново серебра», КД, 91) или «кирпищатые» (видимо, керамические, из майоликовых пли- ток); стены расписаны, убраны мехами. Мебель — из дуба, с инкруста- циями из резного «рыбьего зуба» (как называли в Древней Руси мор- жовые и мамонтовые клыки) или «слоновъх костей»; она «потянута» рытым бархатом и пр. Гридница в былинах — «светлая», т. е. с больши- ми оконными проемами, к тому же застекленная; постоянно упомина- ются «стекольчатые оконенки». Круглые стеклянные линзы с закраина- ми, найденные в Киеве и других городах, были роскошью даже в горо- дах Руси. С уверенностью можно сказать, что в деревнях X—XII вв. оконных стекол еще не знали.

Привозные ткани, которые «на злате и серебре не погнутся» (КД, 11), аскамит, камку и др., употребляли только в городах. В городах изготовляли и такую роскошную одежду, какая описана в былинах: «немного на ней шелку: вся в серебре», или «в красном золоте», «в скатном жемчуге», «вся в камнях драгоценных» (Р., 2, 650—651).

Ювелирные украшения, металлическая пиршественная утварь, вооружение из драгоценных металлов и лучшей стали, упоминаемые в былинах, могли быть сделаны только искусными руками городских ремесленников; едва ли в этом можно видеть лишь эпическую идеализацию повседневного быта.

Конечно, всегда могут возразить, что былина — художественное произведение, и поэтому в ее оформлении действуют свои тенденции: гиперболизации, идеализации, хронологического смещения. Чтобы избежать произвольных выводов, следует, по нашему мнению, исходить при анализе былин из определенной установки: те или иные реалии могут считаться истинными, исторически конкретными для былин, если им находят аналогии в домонгольской Руси, хотя бы они бытовали и позднее; рассматривать их надо в комплексе с другими явлениями и ситуациями древнерусской социальной жизни, отраженными в былинах (например, в былине о Дюке — значение Галича как культурного центра, летописное описание конских ристаний под 1150 г.); главное же — учитывать общую идейную направленность былины (например, роль Киева как центра Русского государства, двойственный характер ранних взаимоотношений с кочевниками — то врагами, то союзниками).

Характерно, что А. П. Скафтымов, подчеркивая «идеализирующую тенденцию» в эпосе и то, что «бытовая историческая документация» отдельных черт в нем может быть сделана лишь с учетом этой тенденции, тут же делает существенную оговорку: «Конечно, идеальные представления откуда-то тоже должны были возникнуть..., поэтому раскрытие источников таких представлений способно во многом осветить бытовую реальную почву, на которой создавалась былина»¹⁵.

Нельзя не отметить, что форма самих былин очень изощрена и сложна; она стоит на одном уровне с городским ювелирным, архитектурным, живописным, литературным искусством домонгольской Руси, явно неся отпечаток высокого профессионального мастерства.

Мысль В. Ф. Миллера о профессионализме сказителей былин, обслуживавших и феодальные круги¹⁶, в настоящее время подтверждается аналогиями в других областях культуры. При становлении государственности в Древней Руси в X—XII вв., как это единогласно признается историками и археологами, так обстояло дело со всеми мастерами — ювелирами, зодчими и др., а не только со сказителями.

Вероятно, новый жанр устного народного творчества мог распространяться в сельских местностях, входивших к тому же в городские округа, именно многочисленными «молодыми дружинниками», часть которых к тому же жила по селам, пока их не вызывали на военный сбор в Киев или другие города, бродячими скоморохами (за одного из которых признают Добрыню на пиру), гостебниками — разносчиками товаров и самими крестьянами, посещавшими, конечно, города, хотя бы те же рынки. Но и воин-поэт, и скоморох были выходцами из народных масс. Новый эпический жанр, сильно отличаясь от традиционной поэзии и обрядового фольклора сложностью и изысканностью формы, новизной многих образов и коллизий, сугубым историзмом (и в то же вре-

¹⁵ А. П. Скафтымов, Поэтика и генезис былин, Саратов, 1923, стр. 124.

¹⁶ В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897, стр. 52—64 и др.

мя актуальностью, — например, борьба со степью), находил в сельской аудитории также горячий прием. Иначе он не сохранился бы именно в этой среде. Былины были таким же новшеством, как и те горедские изделия — оружие и украшения, по которым отличают погребения дружинников и их семей в сельских могильниках. Но все эти изделия, хотя и были городского происхождения, принадлежали ведь не феодалам, а рядовым дружинникам. Это были относительно дешевые массовые изделия городских ремесленников, работавших уже частично на рынок.

Как известно, былины сохранялись до XX в. главным образом у «черных» крестьян Севера, не знавших крепостного права, и у казаков, мигрировавших из разных мест, но отдельные записи получены из самых различных местностей России, и последнее обстоятельство наиболее интересно для истории бытования былин¹⁷. Несомненно все же, что основной массив былин — на Севере — располагался вдоль водных трактов, в прошлом оживленных и связывавших населенные пункты типа посадов и факторий, а не в «медвежьих углах».

Былины оставались близки русским средневековым крестьянским массам. В новых образах героев эпоса, действующих в пышной обстановке богатого города, крестьяне легко угадывали прототипы этих образов — своих исконных поэтических героев, генетически связанных нередко еще с тотемистическими представлениями: в Вольге — охотника-оборотня, в Садко — удачливого рыболова и музыканта-чародея, в Добрыне — борца с чудовищем и т. д. Элементы сельского быта, содержащиеся, конечно, в былинах, играют все же подчиненную, а не организующую роль в них. Большой вклад в национальный эпос был внесен видимо, на «заставах богатырских» ратниками пограничных укреплений и выявление этого вклада могло бы послужить темой специальных исследований в фольклористике.

С ростом городов к концу домонгольского периода городская культура, все более обильно проникая в сельские местности, должна была захватывать другие жанры фольклора, не только повествовательное и песенные, но и пословицы, загадки и даже заговоры. Городским влияниям в фольклоре открывалась широкая дорога, но именно былины из всех разделов фольклора оставались в наибольшей степени урбанистическими.

SUMMARY

In Russian epos the scene of action, elements of material culture, many situations, social relations, some motifs and whole themes are closely connected with urban life.

This is the result of the fact that epos in its classical form is developed during the period of formation of early class society, urbanization being one of the main traits of the emergence of the state.

The bylinas which are the highest creative achievement of folklore in Kiev Russia cannot be interpreted without taking into consideration the old Russian urban culture of X—XII centuries.

This does not deny that the deepest roots of Russian epos may be traced back to traditional oral folklore; from this treasury it has drawn protothemes, images and methods. But epos as a genre could be formed only by the end of the first millennium A. D. after incorporating of certain other components.

¹⁷ Картографирование мест записи былин (по современным нам данным), необходимость которого для изучения эпоса давно уже назрела, позволило бы, возможно, установить в какой-то мере и пути их распространения. Однако как раз в древнерусских городах, где сказывались некогда былины, уже много столетий их нет, и эти города все равно не попали бы на такие карты.